

Идентичность шотландских мусульман как социокультурное проявление глобализации во внутриполитических процессах современной Шотландии

Тюрин Е. А. *, Савинова Е. Н., Агабабов А. Р.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС), Орел, Российская Федерация; *Turin.of.Foveran@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается идентичность шотландских мусульман как нетрадиционное для Шотландии социокультурное проявление глобализации региональных социально-политических процессов. Актуальность данной темы обусловлена тем, что число мусульман в составе шотландского населения в последнее десятилетие активно возрастает. В этой связи спектр вопросов по поводу будущего национального суверенитета Шотландии существенно расширяется, требуя поиска научно-теоретических и практических ответов. Исследовательской целью статьи является анализ влияния исламской идентичности на внутриполитические процессы в Шотландии. Для реализации данной цели авторы опирались на общелогический, институциональный, констатационно-фактологический, сравнительный методы, применяемые в политической науке. Кроме того, в статье использованы данные социально-антропологических и психологических исследований, проводившихся по рассматриваемой проблематике зарубежными коллегами. В результате проведенного исследования авторы выявили активизацию деятельности шотландских властей, вынужденных в рамках внутренней политики разрабатывать комплексные мероприятия, направленные на шотландцев, исповедующих ислам. В статье затрагиваются вопросы политического участия мусульман, исламского экстремизма и другие, практическое решение которых, по мнению авторов, связано с проблемой интеграции мусульман в шотландское общество (традиционно христианское). В этой связи особое значение авторы придают особенностям исламской идентичности в современном шотландском обществе. Авторы приходят к выводу, что данная идентичность является социокультурным проявлением глобальных цивилизационных процессов и содержит в себе множество внутренних противоречий, обусловленных целым рядом объективных причин, основной из которых является несоответствие друг другу двух цивилизационных кодов: традиционного (исконно шотландского, христианского, европейского) и нетрадиционного (привнесенного извне, мусульманского, азиатского).

Ключевые слова: Шотландия, глобализация, регионализация, политические процессы, исламский фактор, идентичность мусульман

Для цитирования: Тюрин Е. А., Савинова Е. Н., Агабабов А. Р. Идентичность шотландских мусульман как социокультурное проявление глобализации во внутриполитических процессах современной Шотландии // Управленческое консультирование. 2020. № 6. С. 50–63.

The Identity of Scottish Muslims as a Socio-cultural Manifestation of Globalization in the Domestic Political Processes of Modern Scotland

Evgeny A. Turin, Elena N. Savinova, Alexander R. Agababov*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА), Orel, Russian Federation; *Turin.of.Foveran@yandex.ru

ABSTRACT

The article considers the identity of Scottish Muslims as a non-traditional for Scotland socio-cultural manifestation of globalization of regional socio-political processes. The relevance of this topic is determined by the fact that the number of Muslims as a part of population of Scotland has been growing rapidly over the past decade. In this regard, the range of questions about the future national sovereignty of Scotland is significantly expanding, requiring the search for scientific, theoretical and practical answers. The research goal of the article is to analyze the influence of Islamic identity on domestic political processes in Scotland. To achieve this goal, the authors rely on general logic, institutional, stating factual and comparative methods used in political science. In addition, the article uses the data of socio-anthropological and psychological research conducted on the subject by foreign colleagues. As a result of the research, the authors identified the activation the Scottish authorities' activities, who are forced (within the framework of internal policy) to develop comprehensive measures aimed at Scots who confess Islam. The article deals with the issues of political participation of Muslims, Islamic extremism and others, the practical solution of which, according to the authors, is connected with the problem of Muslims integration into the Scottish society (traditionally Christian). In this regard, the authors attach particular importance to the peculiarities of Islamic identity in the modern Scottish society. The authors come to the conclusion that this identity is a socio-cultural manifestation of global civilizational processes and it contains plenty of internal contradictions caused by a number of objective reasons, the main of which is the discrepancy between two civilizational codes: the traditional (native Scottish, Christian, European) and the non-traditional (brought from the outside, Muslim, Asian).

Keywords: Scotland, globalization, regionalization, political processes, Islamic factor, identity of Muslims

For citing: Turin E. A., Savinova E. N., Agababov A. R. The Identity of Scottish Muslims as a Socio-cultural Manifestation of Globalization in the Domestic Political Processes of Modern Scotland // Administrative consulting. 2020. No. 6. P. 50–63.

Введение

На первый взгляд сама постановка вопроса о наличии исламской идентичности в Шотландии может показаться парадоксальной, учитывая традиционные для этого региона идентичности¹ — шотландскую, христианскую, британскую, европейскую, клановую и иные. Традиционные идентичности формировались в Шотландии на протяжении многих столетий и продолжают развиваться в настоящее время [1]. Тем не менее, факт современных социокультурных трансформаций в Шотландии, испытывающей на своем региональном уровне влияние глобальных процессов, дает право говорить о появлении нетрадиционных черт в идентичностях шотландского населения. В этой связи, конечно, невозможно игнорировать рост численности шотландцев², исповедующих ислам. Безусловно, речь идет прежде всего об

¹ В отечественном обществоведческом научном знании неоспоримый вклад в изучение идентичностей шотландцев внесли исследования А. Ю. Апрыщенко. Наиболее существенными работами данного автора по рассматриваемой проблематике являются: «Клановая система горной Шотландии: традиции и модернизация» (Ростов-на-Дону, 2006); «Уния и модернизация: становление шотландской национальной идентичности в XVIII — первой половине XIX вв.» (Ростов-на-Дону, 2008); «Шотландия в Новое время: в поисках идентичностей» (СПб., 2016).

² Здесь и далее авторы следуют принципу, согласно которому шотландцами в Шотландии издавна считаются представители самых разных этнических групп, а главным критерием выступает постоянное проживание на территории Шотландии. Подобная толерантность объясняется, в том числе, весьма разнообразными генетическими примесями у шотландцев. См.: Companion website for "A genetic atlas of human admixture history", Hellenthal et al, Science. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://admixturemap.paintmychromosomes.com/> (дата обращения: 16.07.2019).

осевших в Шотландии выходцах из мусульманских регионов бывшей Британской империи и современных стран Ближнего и Среднего Востока. Нельзя не обращать внимания и на то обстоятельство, что имеется некоторый (весьма незначительный, но, тем не менее, увеличивающийся) процент шотландцев, принимающих ислам, именно, как результат личных духовно-религиозных исканий и убеждений, а не в силу, например, этноконфессиональных особенностей своих семей¹.

Как полагают специалисты из университетов Эдинбурга и Глазго, в ближайшее десятилетие мусульманское население Шотландии может увеличиться вдвое. Согласно результатам исследований, опубликованным в онлайн-издании «Herald Scotland», среди шотландцев достаточно многочисленную группу составляют дети-мусульмане в возрасте до 15 лет, хотя, при этом, увеличивается и количество пожилых адептов ислама². В связи с увеличением доли мусульман в шотландском обществе, возник целый ряд проблем, являющихся предметом внутренней политики Шотландии: политического участия мусульман, мусульманского образования, исламского экстремизма и других. Практическое решение названных проблем в той или иной степени связано с темпами и особенностями интеграции мусульман в шотландское общество (традиционно христианское), что, в конечном итоге, обуславливает характер проявления исламской идентичности в социально-политических процессах современной Шотландии, а также специфику влияния данной идентичности на этничность шотландцев. Так или иначе, все упомянутые аспекты вписываются в телеологию рассматриваемой проблематики [2, с. 118–127], актуализируясь на фоне активизации национального самосознания шотландцев и вновь раздающихся голосов о необходимости выхода Шотландии из состава Соединенного Королевства в связи с Brexit.

Несомненно, ислам все активнее проявляет себя политически, символически, духовно в таких сложившихся образованиях, каковыми являются традиционные социокультурные локусы христианской Европы (в том числе, Шотландия). Это вызвано иммигрантским потоком из стран Ближнего Востока. «Исламизация», в свою очередь, начинает порождать панику в рядах европейцев, что, в свою очередь, вызывает горячие социальные дискуссии (отражаясь на законотворческой деятельности) и способствует возникновению новых политических объединений (довольно часто, националистического и исламофобского толка).

Таким образом, актуальность заявленной авторами темы обусловлена тем, что рост числа мусульман в составе шотландского населения в последнее десятилетие активно возрастает, а этот факт, в свою очередь, является социокультурным проявлением глобализации внутривнутриполитических процессов в Шотландии. В этой связи спектр вопросов по поводу будущего шотландского государственно-национального суверенитета существенно расширяется, требуя поиска научно-теоретических и практических ответов.

Теоретические основы

Исследовательской целью статьи является анализ влияния исламской идентичности на внутривнутриполитические процессы в Шотландии, хотя, при этом, следует отметить, что в рамках обществоведческого научного дискурса вопросы влияния различных идентичностей на социально-политические процессы в разных странах поднимают-

¹ См. например: Шотландец принял ислам, не встретившись ни разу с мусульманами // Азан / Мировые новости / Новообращенные мусульмане [Электронный ресурс]. URL: <https://azan.ru/ahbar/read/shotlandets-prinyal-Islam-ne-vstretivshis-ni-razu-s-musulmanami-10778> (дата обращения: 17.07.2019).

² См. «Herald Scotland» (официальный сайт онлайн-издания) [Электронный ресурс]. URL: www.heraldscotland.com (дата обращения: 17.07.2019).

ся с известным постоянством¹. При этом используется различный методологический инструментарий, подробное концептуальное раскрытие которого останется за пределами ограниченных рамок статьи. Тем не менее необходимо указать, что для реализации означенной цели авторами были применены общелогический, институциональный, констатационно-фактологический, сравнительный методы, применяемые в политической науке. Кроме того, авторы опирались на материалы социально-антропологических и психологических исследований, проводившихся по рассматриваемой проблематике отечественными и зарубежными коллегами, среди которых мы отметили бы Э. Хобсбаума, Э. Геллнера, И. Уоллерстайна, М. Биллинга, Э. Смита, Ф. Бекхофера, Дж. Джозефа, М. Хетчера, Д. Маккроуна, К. Харви, Дж. Грина, С. Барбура, Т. Нейрна, Т. Девайна, Ч. Патти, Д. Денвера, Дж. Митчелла, Х. Бочела, В. Богданера, А. Ренвика, Д. Галлахера, М. Линклейтера, М. Китинга и др. Среди отечественных авторов следует выделить В. Ю. Апрыщенко, А. А. Громько, Н. В. Еремину, П. О. Каракчиева, В. В. Руднева, Я. И. Мальцева, А. В. Новикова, Е. А. Устюжанинову, Е. А. Жорова, Т. Л. Андрееву, А. С. Васильеву, Г. С. Остапенко, О. Троицкую, Т. В. Черноморову, М. В. Королеву, Н. В. Ласкову и др.

Можно констатировать, что научное осмысление проблем идентичности в контексте исследования общественно-политических процессов происходит под разными углами зрения: одни исследователи касаются данных вопросов в рамках изучения проблем развития наций и этносов; других интересует нациестроительство; третьи берут для анализа исторические аспекты идентичности; четвертые рассматривают государственную национальную политику; пятые затрагивают политико-идеологические и мировоззренческие грани национализма и т. д. Тем не менее, подавляющее большинство исследователей сходятся на признании важности изучения вопросов идентичности как существенном факторе, влияющем на характер протекания социально-политических процессов в том или ином регионе мира.

Обсуждение

Термин «идентичность», являясь в некотором смысле «нечеткой» категорией, тем не менее подвергся до такой степени тщательному изучению в социальных науках, что некоторые исследователи считают его использование нецелесообразным [8, р. 1–47]. Вдобавок к этому, названный термин отчасти пересекается с понятием «я». «Я» — это одновременно мышление, действие и чувство привязанности к агенту в пределах его/ее субъективности или описания этой субъективности с точки зрения того, что отлично от «я» [27]. Различные концепции «я» в социальных науках варьировались от сосредоточения на самоанализе и изучении себя [3; 12, р. 117–140] до определения личности в отношении индивида к социальному миру [21; 24]. Точно так же идентичность может рассматриваться и как продукт индивидуальных процессов [11], и как продукт предписаний социальных структур, которые формируют и конструируют различные идентичности [32, р. 184–193].

Причины возникновения различий в этих подходах при изучении идентичности можно рассматривать как отход от более проблемных и существенных концепций, которые могут создавать соответствующие теоретические основания для межгрупповой дискриминации и конфликтов в рамках социально-политической практики [9; 14, 1–17; 18, р. 411–425; 30, р. 371–391]. Все это позволяет рассматривать идентичность (так же, как и категорию «я») как текучую, податливую терминологию

¹ Подробнее см.: *Тюрин Е. А., Савинова Е. Н.* Этничность как социокультурная основа развития политического процесса в современной Шотландии: теоретико-методологические аспекты // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 1606–1610 [Электронный ресурс]. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54585.htm> (дата обращения: 10.10.2019).

ческую конструкцию, которая постоянно обсуждается и изменяется [19, р. 145–162; 25, р. 921–945]. Таким образом, понимание эволюционной изменчивости терминов «идентичность» и «я» позволяет нам лучше понять двойственную функциональность их природы. С одной стороны, люди должны принадлежать к группам, объединяющим их чувством единства истории и общественных целей [29], что отражает функцию идентичности, служащей для поддержания у индивидуумов и групп ощущения социально-политической стабильности и культурно-исторической преемственности. С другой стороны, идентичность должна предоставлять людям возможность отличать себя от других [3] и позволять группам постоянно поддерживать свое «я», чтобы адаптироваться к постоянно меняющимся социальным реалиям [22]. Все сказанное позволяет проводить параллели с двойной функцией систем социального знания и социальных репрезентаций.

Таким образом, по сути системы знаний, специфичные для каждой конкретной группы, служат для ее определения и отличают ее от других групп. Формы здравого смысла, характеризующие социальные группы, имеют особую историческую траекторию, в которой находится группа: 1) откуда она исходит, 2) где она находится в более широкой социальной структуре, 3) куда она движется [4, р. 163–186]. Кроме того, социальные представления обладают преобразующим потенциалом, который позволяет помещать знания о ранее неизвестном или отсутствующем явлении в системы знаний, характерные для различных групп [5, р. 379–404; 13; 22]. Иными словами, социальные представления предоставляют людям значимые объективации различных элементов в их окружении, посредством которых объекты приобретают значение для того или иного сообщества [4, р. 163–186].

Напротив, социальные репрезентации имеют предписывающий потенциал, который позволяет существующим, хорошо зарекомендовавшим себя системам знаний ежедневно информировать о жизненном мире. Таким образом, человеческие субъекты взаимно взаимодействуют с элементами своего окружения и через них [26, р. 451–463] объективными способами, которые считаются разумными и значимыми для других субъектов в их социальной среде [31]. Обе позиции объединяет идея о том, что индивиды вовлечены в социальные процессы конструирования знаний, мотивированные необходимостью познакомить незнакомых людей [23, р. 3–69]; и что они воспринимают мир как сообщество [6, р. 335–354], чтобы сделать повседневную практику, обусловленную более функциональной социальной средой. Получающиеся в результате системы здравого смысла позволяют субъектам общаться и действовать согласованно. Они знакомят их с окружающей средой и устанавливают границы, которые бессознательно позволяют им просто «не быть» в повседневной практике. Означенные системы здравого смысла обязательно оформляются с точки зрения существующих знаний и убеждений, что обеспечивает историческую преемственность в различных социальных группах и поддерживает чувство единой групповой истории, а значит, и идентичности.

Результаты

В настоящей статье авторы подходят к вопросу изучения социальных репрезентаций шотландских мусульманских общин с точки зрения понятий «идентичность» и «я», трактуя их как «диалогичные» и «трансформирующие». Такой подход позволяет рассматривать личность в неразрывной связи с социальными знаниями и расширяющимися на них репрезентациями. Кроме того, это дает возможность концептуализировать идентичность как непрерывный конструкт, содержащий элементы одинаковости и последовательности, а также как нечто, что постоянно претерпевает изменения и трансформации посредством расширения в перманентно меняющейся социально-политической среде. При этом мы, ориентируясь на раз-

работки теории диалогического «я», опираемся на традицию понимания народами и отдельными их представителями себя как социально сложившихся и рефлексивных явлений [17]. Для такого взгляда на себя и социальные отношения важны идеи рефлексивности и перспективного восприятия (межсубъективности). По сути, диалогическая теория самости позволяет нам понять, как социальные репрезентации отражаются в самости и как согласование различных «я»-позиций приводит к формированию, сохранению и развитию идентичности. При этом внимание уделяется «предписывающему» характеру социальных знаний, что позволяет сместить акцент с таких конструктов, как «я» и «идентичность» на социальные знания и их использование в формировании новых способов познания и бытия.

В данной статье использовались данные различных исследований, в рамках которых выявлялись часто испытываемые противоречия между исламским образом жизни и жизнью в Великобритании. Конечно, соединение таких проявлений идентичности как «мусульманскость» и «шотландскость» («британскость», «европейскость») может и не быть проблематичным, тем не менее эти различия делали сами исследуемые, четко отличая «шотландскость» («британскость», «европейскость») от «мусульманскости». Мы утверждаем, что те участники, которые предпочитают придерживаться мусульманских установлений, несмотря на трудности применения их в повседневной жизни, пытаются сохранить онтологическую функцию идентичности. Те же, кто решается нарушить предписания ислама в пользу облегчения своей жизни в определенных сферах, выбирают прагматическую функцию идентичности [10, с. 41–58]. Это отражает двойную функцию как идентичности, так и социального знания в обеспечении стабильности, которая требует верности определенному образу существования (онтологическая функция), а также необходимость адаптации и воспроизведения новых способов существования (прагматическая функция). Эти функции идентичности сами по себе не являются взаимоисключающими, и может случиться так, что в других случаях люди будут находить онтологические возможности решения проблем прагматического характера. Тем не менее мы отмечаем, что различие между этими двумя функциями может быть причиной, которая провоцирует внутренний конфликт личности для лиц, воспринимающих эти две проблемы как противоречащие друг другу. Имея в виду две названные функции идентичности, мы можем выйти за пределы простого «дискурса об идентичности» и точно указать, о чем идет речь в случаях наличия этих противоречий.

Вопрос о том, ощущают ли мусульмане угрозу своей идентичности, имеет ключевое значение для понимания вектора развития исламского мировоззрения. Эта угроза, в каком-то смысле, предопределяет их самоидентификацию, повседневные социальные практики и политическое поведение, что в полной мере показательно на примере Шотландии (и Великобритании в целом).

Представление ислама и мусульман в английских СМИ (да и, в целом, в британских) отражает негативные ассоциации, что особенно актуально в отношении набожных и практикующих мусульман [28, с. 257–270]. Сочетаясь с экономической ущербностью, а также прямой и институциональной дискриминацией, все это создает у мусульман ощущение неполноценности и исходящей от Лондона угрозы. Это ощущение усугубляется необходимостью интеграции путем соответствия определенному представлению «хорошего» или «умеренного» мусульманина [20]. Более того, названное представление (навязываемое Лондоном британскому обществу) служит для уточнения и сопоставления категорий «мусульманскость» и «шотландскость» («британскость», «европейскость»). В связи с этим, многие формы политического участия мусульман стали возникать как реакция на социально-исторические условия, в которых мусульмане ощущали угрозу своей исламской идентичности. Как и в большинстве случаев предрассудков, представления об «опасном

мусульманине» в британском обществе стали неотъемлемой частью понимания/представления самих мусульман.

Нужно отметить, что в Шотландии периодически проводятся исследования, содержащие политологические, социологические, этнографические аспекты. Результаты этих изысканий имеются в свободном доступе и используются не только в научно-теоретических целях, но и в государственной практике в рамках выработки управленческих решений. В данной статье мы опирались на данные исследования, проведенного в нескольких крупнейших шотландских мечетях, обнаружив влияние постоянно меняющихся контекстов в идентичности мусульман. Эти данные были получены зарубежными коллегами в среде шотландских мусульман, считающих ислам центральным в своей идентичности (именно поэтому исследование проводилось в мечетях) [15, р. 31–50]. Результаты побуждают задуматься о различиях в дискурсах и социальных репрезентациях. Последние, отличаясь по тем или иным аспектам выражения, подходят для различных ситуаций и контекстов. Данные упомянутых исследований отражают процессы, в которых ислам в Великобритании и британские мусульманские группы претерпевают изменения, адаптируясь к различным местным условиям (в том числе, шотландским). Эти данные фиксируют моменты, посредством которых мусульманские группы адаптируют свои системы ценностей и различные способы понимания и выражения ислама, в данном случае в британском контексте [16; р. 272].

Возвращаясь к упомянутому исследованию, отметим, что оно проводилось в течение 2012 г. Мохаммедом Сартави (Лондонская школа экономики и политических наук, Великобритания) и Гордоном Саммутом (Мальтийский университет, Мальта). Их работа заключалась в том, чтобы систематически фиксировать вопросы (касающиеся принятия тех или иных решений бытового характера), адресованные мусульманами местным имамам; анализировать дальнейшие действия задававших вопросы; а также лично встречаться с этими мусульманами. В среднем в каждую мечеть ежедневно поступало около 20 запросов (по телефону и лично). В рамках этого исследования было получено свыше 3000 данных, при участии шотландских мусульман-выходцев из стран Ближнего Востока, Южной Азии и Африки. Записи записывались в режиме реального времени вручную и кодировались с использованием компьютерной программы для последующего анализа. Имамы и власти мечетей были полностью проинформированы о целях и задачах исследования. Кроме того, были приняты все необходимые меры для обеспечения анонимности участников и обеспечения конфиденциальности. Все полученные данные были исследователями сгруппированы по темам, на основании которых можно было бы составить представление об особенностях идентичности шотландских мусульман как социокультурном проявлении глобализации во внутриполитических процессах современной Великобритании.

Одним из ключевых аспектов, позволяющих говорить об идентификационных проблемах мусульман Шотландии, стал вопрос религиозных предпочтений в сфере семейной жизни.

Проблема состоит в том, что шотландским (и, в целом, британским) мусульманам, несмотря на их попытки дистанцироваться от своего культурно-исторического кода, все еще сложно интегрировать собственную исламскую идентичность в неисламскую (шотландскую, британскую, европейскую) практику повседневной жизни, особенно в семейной сфере. Так, положение главы семейства может вызывать внутренние противоречия между положением мужа-европейца и идентичностью отца-мусульманина. Здесь понимание роли европейского мужа, который требует равенства в партнерстве и компромисса в семейных отношениях, часто становится проблематичным, наталкиваясь на бытовые аспекты в воспитании детей (особенно, когда мать-христианка настаивает на участии маленьких членов семьи

в церковных ритуалах). Характерно, что для снятия подобного противоречия мусульманин, как правило, идет за советом к имаму, своими установками усугубляющему ситуацию, так как его совет predetermined предписаниями ислама. Еще одной характерной ситуацией, обостряющей противоречие между «мусульманскостью» и «шотландскостью», является расторжение брака. Причина здесь также кроется в различиях систем социальных представлений, по-разному конструирующих брак и его легитимность. Поэтому смешанные (мусульманско-христианские) пары, чтобы развестись, вынуждены консультироваться с представителем исламского закона. Брак становится объектом размышлений, и самоидентификация — «я»-шотландец (британец, европеец) и «я»-мусульманин — отражает противоречие, возникающее в результате различных объективаций брака в обеих системах социальных знаний. В этом случае значение переговоров с представителем мусульманского духовенства влечет за собой согласование идентичностей, т.е. муж-европеец (мусульманин) признает за собой и своей супругой (христианкой) право не придерживаться исламских предписаний в разных вопросах повседневной жизни, когда прагматические проблемы преобладают над онтологическими. В противном случае, «мусульманскость» имеет приоритет перед «шотландскостью» и, в равной степени, перед «британскостью» и «европейскостью».

Отметим, что во всех исследованных случаях мусульмане считали себя «интегрированными» в «западный» образ жизни. Они, казалось, вели себя таким образом, чтобы облегчить собственную интеграцию в шотландское (британское, европейское) общество, и, помимо чисто эмпирического или ценностного измерения «шотландскости», они приняли образ жизни, который больше относится к неисламской идентичности. Однако внутри семейной сферы, похоже, произошли нарушения чувства идентичности шотландских мусульман. В этих случаях аспекты повседневной жизни, воспринимаемые как естественные, становятся объектами рефлексии, а воплощенное множество культурных знаний или систем репрезентации порождает противоречия. Это требует согласованности между различными «я»-позициями и альтер-эго [23, р. 3–69]. Последние характеризуют трансформацию в социальных репрезентациях. Поэтому шотландским мусульманам, участвовавшим в исследованиях, приходилось пересматривать свою идентичность с разных (потенциально конфликтующих) «я»-позиций.

Сказанное выше свидетельствует о том, что участники исследований, отдававшие предпочтение прагматике, чувствовали необходимость сохранения онтологических функций идентичности в определенных случаях, связанных с отдельными сторонами семейной жизни. Их в значительной степени шотландский (британский, европейский) образ жизни, который включал в себя практики, выходящие за пределы их «мусульманскости», в определенные моменты перекрывался необходимостью сохранения исламских аспектов своей идентичности.

С другой стороны, непреклонные, на первый взгляд, в своей ортодоксальной исламской практике шотландские мусульмане могут чувствовать необходимость идти на компромиссы из прагматических соображений. Так, в рамках упомянутых исследований, частой практикой была смена арабского (мусульманского) имени, имеющего иногда отсылку непосредственно к Корану. Происходило это из-за того, что мусульманское имя в определенной мере несло в себе начало, разрушающее шотландскую (британскую, европейскую) идентичность. Носитель имени сталкивался с социокультурными проблемами и трудностями внутри тех или иных институциональных структур, т.е. само имя становилось проблемным. Не каждый день кто-то думает о функциях имени, однако все же следует осознавать последствия объективации имени (в том числе, применительно к исламским и шотландским социальным представлениям). Как и во многих религиях, имена в исламе являются маркером идентичности и символом благодарности богу. Однако в бюрократи-

ческих и светских британских (в том числе, шотландских) учреждениях функция имени заключается в том, чтобы идентифицировать и отличать людей друг от друга при принятии управленческих решений. С одной стороны, шотландский (британский) мусульманин может легко сменить имя, не посоветовавшись с имамом. Но, другой — ему нужно договориться о своих «я»-позициях (из-за внутренних культурных противоречий, присутствующих в одном и том же социальном объекте — имени). Впрочем, исследование М. Сартави и Г. Саммута выявили случаи, когда шотландским мусульманам требовалось обратиться к имаму в попытке поддержать свою «мусульманскость», независимо от того, существует ли в их действиях явная опасность нарушения исламского закона или нет. Это указывает на наличие у британских (в том числе, шотландских) мусульман предпочтений (или, по крайней мере, сомнений) онтологического характера, что наблюдается даже тогда, когда «немусульманское» поведение не ограничивает и не нарушает их повседневную жизнь. Характерен пример с мусульманином-торговцем, испытывавшим крайнее душевное волнение по поводу границ прибыли, которые может установить розничный продавец для продукта. Естественно, этот человек обратился за советом к имаму, объяснившему, что при наличии согласия продавца и покупателя, любой размер прибыли не нарушает исламского права. Тем не менее показательно, что правоправильный шотландский мусульманин-торговец был обеспокоен, что из-за финансового успеха он может сделать что-то, нарушающее исламские установления. Этот частный случай довольно любопытен. Конечно, на протяжении развития авраамических религий деньги всегда рассматривались как искушение и путь к греху. Однако ислам устанавливает четкие предписания и руководящие принципы для регулирования бизнеса. Поэтому у упомянутого торговца присутствовало внутреннее противоречие между его растущим успехом в коммерческих делах (что является характерной чертой шотландской, британской и европейской идентичностей) и онтологическими проблемами, вызванными его исламской идентичностью. В этом случае проблема заключалась не только в том, что имел место конфликт в поведенческих или эмпирических измерениях идентичности, но и в том, что он присутствовал в ценностных измерениях. В результате, упомянутому торговцу потребовались заверения, что он не нарушает границ своей «мусульманскости».

Подобных и иных примеров в исследовании М. Сартави и Г. Саммута очень много. Среди них есть и такие, которые представляют убедительные доказательства онтологической необходимости для шотландских мусульман поддерживать свое правоверие (даже если это невозможно на практике). Так, мусульманин (один из участников исследования) по состоянию здоровья должен был вводить ежедневные дозы лекарств путем инъекций, что мешало ему поститься, поскольку любое вещество, вводимое внутрь, нарушает пост. Неспособность поститься во время Рамадана стала проблемой идентичности для этого шотландского мусульманина, потому что он не мог продемонстрировать поведенческие формы своей «мусульманскости» в то время, когда сообщество единоверцев коллективно выполняло этот ритуал. «Я»-мусульманин и «я»-шотландец (в том смысле, что он не обязан поститься во время Рамадана) слишком конфликтовали в сознании этого человека, чтобы он мог оставаться спокойным в конкретный календарный период года. Естественно, имеются и иные примеры, свидетельствующие о том, что у шотландских мусульман потребность в правоверии довольно активно вступает в противоречие с их «шотландскостью» («британскостью», «европейскостью»). Для них «я»-мусульманин имеет преимущество перед всеми другими идентичностями.

Необходимость практиковать ислам перед лицом иной культуры, требующей принятия новых идентичностей, влечет за собой внутренний конфликт личности, для которой «свое» подвергается опасности вытеснения и замещения «чужим», которое должно быть принято как «свое». Подобный внутренний конфликт порожд-

дает в человеке ощущение двусмысленности своего положения в социуме, неуверенность, страх и, как следствие, агрессию, выливающуюся в общественно опасные действия (в том числе, политического характера). «Шотландскость» (и шире, «европейскость») в таких условиях отсылает мусульман к прагматике, независимо от того, что предписано исламом. Это особенно распространено в отношении медицинских и финансовых вопросов, когда простые житейские ситуации требуют удовлетворения основных потребностей, несмотря на нарушение религиозных обязательств. Впрочем, необходимость выбора приоритетов между прагматическими и онтологическими мотивами порождает дискуссии не только на уровне научного обсуждения философских или духовных проблем, но и на уровне политико-управленческих практик. Последние сопряжены с необходимостью (как для государственных, так и для общественных структур Шотландии) выстраивать внутриполитическую стратегию и тактику с учетом проблем идентичности шотландских мусульман.

Заключение

Таким образом, задача преодоления интеграционных трудностей шотландских (шире, британских) мусульман в контексте специфики спектра их идентичностей представляется на сегодняшний момент крайне актуальной с позиций управления социально-политическими процессами в рассматриваемой стране.

Мусульмане Шотландии (как и всей Великобритании), стремящиеся сохранять правоверие во всех аспектах своей жизни, оказываются более уязвимыми перед угрозами, с которыми сталкивается исламская идентичность в западном обществе. Более того, на некоторых эти угрозы повлияли в части приверженности исламским убеждениям и практике повседневной жизни, мотивировав на более глубокую интеграцию. Временами такие мусульмане даже пытаются выглядеть иначе и дистанцироваться от единоверцев. Тем не менее даже они испытывают внутреннее побуждение к возвращению своей «мусульманскости» в полном объеме. Это прежде всего относится к вопросам брака и семьи, а также наиболее сложным жизненным ситуациям. Исследования М. Сартави и Г. Саммута показывают, что когда дело доходит до семейных вопросов, мусульмане, как правило, демонстрируют преобладающую необходимость придерживаться правоверия. Эта потребность наиболее остра для тех, кто предпочитает отказаться от исламских рецептов в своей повседневной жизни. Что интересно в этом явлении, так это то, что оно отражает очевидную дихотомию — даже если мусульманин решил отказаться от коранических предписаний в своей практической деятельности и внешности, он все равно сохраняет ортодоксальность в вопросах личной жизни. Интересно, что подобная дихотомия не характерна для традиционно мусульманских стран [7]. Хотя многие из рассмотренных выше внутренних конфликтов и противоречий, по-видимому, имеют мало общего с «шотландскостью» как таковой, эти конфликты и противоречия все же возникают у мусульман, которые пока еще находятся в исторически сложившегося общественного бытия Шотландии, независимо от установлений ислама. По этой причине проявления неисламских форм поведения у шотландских мусульман можно охарактеризовать как позицию «я»-шотландец (британец, европеец), за которой следуют интернализация системы личных представлений и формирование новых идентичностей.

Тенденции таковы, что доминирующие в шотландском обществе представления становятся приоритетными для шотландских мусульман, которые предпочитают принимать шотландские (и общebritанские) культурные представления и ценности. Хотя данные, представленные здесь, не могут говорить обо всех шотландских мусульманах, но, все же, свидетельствуют: мусульмане, обращающиеся в мечети за советом по семейным вопросам и демонстрирующие сильную связь с исламом в частных сферах, несмотря на это, предпочитают публично дистанцироваться от него.

Тем не менее ислам по-разному проявляет себя в качестве источника самоидентификации и приоритетов в формировании «я»-позиций шотландских мусульман в каждом конкретном случае. Кроме того, сферы жизни, в которых исламские аспекты самости имеют приоритет, указывают на то, что диалог с самими собой также зависит от контекста. Диалогическая теория изучения «я»-позиций — это полезный теоретический подход, позволяющий понять, как усваивается внутренняя часть кафофонии систем социального знания, которые формируют идентичность. Тем не менее без расширения теоретических и методологических перспектив применение диалогической теории ограничивается лишь внутренним отражением более широких социальных факторов, играющих очень важную роль.

Таким образом, социальные представления и повседневные практики шотландских мусульман на личностном уровне находятся под влиянием ощущения того, что их «мусульманскость» испытывает угрозы со стороны иных ценностных систем и традиций общественного бытия. Это заставляет некоторых избегать идентификации со «своим» (мусульманским) сообществом, отдавая предпочтение прагматике. Так мусульманское вероисповедание, британская система ценностей и сугубо шотландская специфика социального бытия могут расходиться в сознании одного и того же человека, порождая внутренний конфликт его личности, вызванный противоречиями между онтологическими и прагматическими соображениями. Иными словами, с одной стороны, есть ислам, с другой — жизнь в шотландском и общebritанском контекстах. Подобное положение вещей провоцирует не только напряженность в поведении самих мусульман, живущих в «чужом» социокультурном пространстве (которое, оказалось, нелегко сделать «своим»), но и во взаимодействии мусульман с немусульманами, воспринимаемыми в качестве европейцев/британцев/шотландцев (которые, к тому же, идентифицируются как христиане). Все перечисленное нарушает неосознанный поток повседневной жизни из-за столкновения двух систем значений, базирующихся на сопоставлении «мусульманскости» и «шотландскости» («британскости», «европейскости»). Названное столкновение приводит на практике к конфликту идентичностей в рамках противостояния онтологического и прагматического начал, что, в свою очередь, проявляется в социально-политических процессах. В этой связи со стороны мусульман должно демонстрироваться осознание необходимости поиска нового способа существования, чтобы продолжить жизнь в новой культуре принимающей страны. В настоящем исследовании как трансформирующие, так и предписывающие функции ислама в жизни мусульман стали главными проблемами. Сосредоточенность на повседневной практике показывает, где для шотландских мусульман лежат противоречия между источниками идентичности. Таким образом, выводы авторов показывают, что именно трансформирующие и предписывающие функции ислама лежат в основе тех проблем, которые входят в дискурс об идентичности шотландских мусульман.

Литература

1. Апрыщенко В. Ю. Шотландия в Новое время: в поисках идентичностей. СПб. : Алетей, 2016.
2. Тюрин Е. А. Государство и нация: телеологические аспекты политического курса Шотландии // Управленческое консультирование. 2017. № 10. С. 118–127.
3. Allport G. W. *Pattern and growth in personality*. New York : Holt, Rinehart and Winston, 1961.
4. Bauer M., Gaskell G. Towards a paradigm for research on social representations // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 1999. N 29 (2). P. 163–186.
5. Bauer M., Gaskell G. (eds.) *The biotechnology movement // Biotechnology — the making of a global controversy*. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. P. 379–404.
6. Bauer M., Gaskell G. Social representations theory: A progressive research programme for social psychology // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2008. N 38 (4). P. 335–354.

7. *Bowen J. R.* Why the French don't like headscarves: Islam, the State, and public space. Princeton : Princeton University Press, 2007.
8. *Brubaker R., Cooper F.* Beyond "Identity" // *Theory and Society*. 2000. N 29. P. 1–47.
9. *Butler J.* Gender trouble: Feminism and the subversion of identity. New York, London : Routledge, 1999.
10. *Camilleri C., Malewska-Peyre H.* Socialization and identity Strategies // *Handbook of Cross-cultural Psychology: Basic processes and human development* / eds. Berry J.W., Dasen P.R., Saraswathi T.S. London : Allyn and Bacon, 1997. Vol. 2. P. 41–68.
11. *Erikson E. H.* Identity: Youth and crisis. New York : Norton, 1968.
12. *Festinger L.* A theory of social comparison processes // *Human Relations*. 1954. N 7. P. 117–140.
13. *Gervais M.-C.* Social representations of nature: the case of the "Braer" oil spill in Shetland (Unpublished doctoral thesis). London : Department of Social Psychology, London School of Economics and Political Science, 1997.
14. *Hall S.* Introduction: Who needs identity? // *Questions of Cultural Identity* / eds. Hall S., Gay P.D. Thousand Oaks : Sage, 1996. P. 1–17
15. *Hermans H. J.M.* Voicing the self: From information processing to dialogical interchange // *Psychological Bulletin*. 1996. N 119. P. 31–50.
16. *Hermans H. J.M.* The dialogical self: Towards a theory of personal and cultural positioning // *Culture & Psychology*. 2001. N 7 (3). P. 243–281.
17. *Hermans H. J.M., Kempen H. J.G.* The dialogical self: Meaning as movement. San Diego : Academic Press, 1993.
18. *Holtz P., Wagner W.* Essentialism and attribution of monstrosity in racist discourse: Right-wing internet postings about Africans and Jews // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2009. N 19 (6). P. 411–425.
19. *Howarth C.* Identity in whose eyes? The role of representations in identity Construction // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2002. N 32. P. 145–162.
20. *Mamdani M.* Good Muslim, bad Muslim: America, the Cold War, and the roots of terror (1st edn.). New York : Pantheon Books, 2004.
21. *Mead G. H.* Mind, self, and society: From the standpoint of a social behaviorist. Chicago : University of Chicago Press, 1934.
22. *Moscovici S.* Psychoanalysis: Its image and its public. Cambridge : Polity Press, 1961/2008.
23. *Moscovici S.* The Phenomenon of Social Representations // *Social Representations* / eds. Farr R., Moscovici S. Cambridge : Cambridge University Press, 1984. P. 3–69.
24. *Potter J., Wetherell M.* Discourse and social psychology: Beyond attitudes and behaviour. London : SAGE, 1987.
25. *Reicher S. D.* The context of social identity: Domination, resistance, and change // *Political Psychology*. 2004. N 25. P. 921–945.
26. *Sammut G., Daanen P., Sartawi M.* Inter objectivity: Representations and artefacts in cultural psychology // *Culture & Psychology*. 2010. N 16. P. 451–463.
27. *Sammut G., Sartawi M., Giannini M., Labate C.* (in press). Representations and social belonging: An idiographic approach to community and identity // *Multicentric identities in a globalizing world (Yearbook of Idiographic Science. Vol. V)* / eds. Gennaro A., Salvatore S., Valsiner J. Charlotte : Information Age.
28. *Spalek B.* Muslim communities post 9/11 — citizenship, security and social justice. *International Journal of Law // Crime and Justice*. 2008. N 36 (4). P. 257–270.
29. *Tajfel H.* Human groups and social categories: Studies in social psychology. Cambridge : Cambridge University Press, 1981; UK Office for National Statistics. Focus on Religion. London : ONS, 2004.
30. *Verkuyten M.* Discourses about ethnic group (de-) essentialism: Oppressive and progressive aspects // *British Journal of Social Psychology*. 2003. N 42 (3). P. 371–391.
31. *Wagner W., Hayes N.* Everyday Discourse and Common-Sense — The Theory of Social Representation. New York : Palgrave Macmillan, 2005.
32. *Wrong D. H.* The Oversocialized Conception of Man // *American Sociological Review*. 1961. N 26. P. 184–193.

Об авторах:

Тюрин Евгений Анатольевич, доцент кафедры политологии и государственной политики Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС (г. Орел, Российская Федерация), кандидат политических наук, доцент; Turin.of.Foveran@yandex.ru

- Савинова Елена Николаевна**, доцент кафедры политологии и государственной политики Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС (г. Орел, Российская Федерация), кандидат политических наук, доцент; Savinova.E.N@ yandex.ru
- Агабабов Александр Рафаэльевич**, аспирант Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС (г. Орел, Российская Федерация). Направление подготовки 41.06.01 — Политические науки и регионоведение, направленность/профиль «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития»; aagababov@mail.ru

References

1. Apryshchenko V.Yu. Scotland in the New Age: in search of identities. St. Petersburg: Aletheia, 2016. (In rus)
2. Turin E. A. State and Nation: Teleological Aspects of Scotland's Policy // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. № 10. P. 118–127. (In rus)
3. Allport G.W. Pattern and growth in personality. New York : Holt, Rinehart and Winston, 1961.
4. Bauer M., Gaskell G. Towards a paradigm for research on social representations // Journal for the Theory of Social Behaviour. 1999. N 29 (2). P. 163–186.
5. Bauer M., Gaskell G. (eds.) The biotechnology movement // Biotechnology — the making of a global controversy. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. P. 379–404.
6. Bauer M., Gaskell G. Social representations theory: A progressive research programme for social psychology // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2008. N 38 (4). P. 335–354.
7. Bowen J. R. Why the French don't like headscarves: Islam, the State, and public space. Princeton : Princeton University Press, 2007.
8. Brubaker R., Cooper F. Beyond "Identity" // Theory and Society. 2000. N 29. P. 1–47.
9. Butler J. Gender trouble: Feminism and the subversion of identity. New York, London : Routledge, 1999.
10. Camilleri C., Malewska-Peyre H. Socialization and identity Strategies // Handbook of Cross-cultural Psychology: Basic processes and human development / eds. Berry J.W., Dasen P. R., Saraswathi T.S. London : Allyn and Bacon, 1997. Vol. 2. P. 41–68.
11. Erikson E. H. Identity: Youth and crisis. New York : Norton, 1968.
12. Festinger L. A theory of social comparison processes // Human Relations. 1954. N 7. P. 117–140.
13. Gervais M.-C. Social representations of nature: the case of the "Braer" oil spill in Shetland (Unpublished doctoral thesis). London : Department of Social Psychology, London School of Economics and Political Science, 1997.
14. Hall S. Introduction: Who needs identity? // Questions of Cultural Identity / eds. Hall S., Gay P.D. Thousand Oaks : Sage, 1996. P. 1–17
15. Hermans H.J.M. Voicing the self: From information processing to dialogical interchange // Psychological Bulletin. 1996. N 119. P. 31–50.
16. Hermans H.J.M. The dialogical self: Towards a theory of personal and cultural positioning // Culture & Psychology. 2001. N 7 (3). P. 243–281.
17. Hermans H.J.M., Kempen H.J.G. The dialogical self: Meaning as movement. San Diego : Academic Press, 1993.
18. Holtz P., Wagner W. Essentialism and attribution of monstrosity in racist discourse: Right-wing internet postings about Africans and Jews // Journal of Community & Applied Social Psychology. 2009. N 19 (6). P. 411–425.
19. Howarth C. Identity in whose eyes? The role of representations in identity Construction // Journal for the Theory of Social Behaviour. 2002. N 32. P. 145–162.
20. Mamdani M. Good Muslim, bad Muslim: America, the Cold War, and the roots of terror (1st edn.). New York : Pantheon Books, 2004.
21. Mead G.H. Mind, self, and society: From the standpoint of a social behaviorist. Chicago : University of Chicago Press, 1934.
22. Moscovici S. Psychoanalysis: Its image and its public. Cambridge : Polity Press, 1961/2008.
23. Moscovici S. The Phenomenon of Social Representations // Social Representations / eds. Farr R., Moscovici S. Cambridge : Cambridge University Press, 1984. P. 3–69.
24. Potter J., Wetherell M. Discourse and social psychology: Beyond attitudes and behaviour. London : SAGE, 1987.
25. Reicher S.D. The context of social identity: Domination, resistance, and change // Political Psychology. 2004. N 25. P. 921–945.

26. Sammut G., Daanen P., Sartawi M. Inter objectivity: Representations and artefacts in cultural psychology // *Culture & Psychology*. 2010. N 16. P. 451–463.
27. Sammut G., Sartawi M., Giannini M., Labate C. (in press). Representations and social belonging: An idiographic approach to community and identity // *Multicentric identities in a globalizing world (Yearbook of Idiographic Science. Vol. V)* / eds. Gennaro A., Salvatore S., Valsiner J. Charlotte : Information Age.
28. Spalek B. Muslim communities post 9/11 — citizenship, security and social justice. *International Journal of Law // Crime and Justice*. 2008. N 36 (4). P. 257–270.
29. Tajfel H. *Human groups and social categories: Studies in social psychology*. Cambridge : Cambridge University Press, 1981; UK Office for National Statistics. *Focus on Religion*. London : ONS, 2004.
30. Verkuyten M. Discourses about ethnic group (de-) essentialism: Oppressive and progressive aspects // *British Journal of Social Psychology*. 2003. N 42 (3). P. 371–391.
31. Wagner W., Hayes N. *Everyday Discourse and Common-Sense — The Theory of Social Representation*. New York : Palgrave Macmillan, 2005.
32. Wrong D.H. The Oversocialized Conception of Man // *American Sociological Review*. 1961. N 26. P. 184–193.

About the authors:

Evgeny A. Turin, Associate Professor of the Chair of Political Science and Public Policy of Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА (Orel, Russian Federation), PhD in Political Sciences, Associate Professor; Turin.of.Foveran@yandex.ru

Elena N. Savinova, Associate Professor of the Chair of Political Science and Public Policy of Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА (Orel, Russian Federation), PhD in Political Sciences, Associate Professor; SavinovaE.N@ yandex.ru

Alexander R. Agababov, Graduate Student of Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА (Orel, Russian Federation); aagababov@mail.ru